

*Aleksander Kiklewicz*  
UWM w Olsztynie

## СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАГМАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Прагмалингвистика как направление в рамках лингвистики речи (речеведения) распространилась в Европе и Северной Америке во 2-ой половине XX в. благодаря книге английского логика Джона Остина (Austin 1962). Предложенная Остином теория речевых актов довольно быстро стала популярной в разных странах. Во Франции на нее откликнулся один из выдающихся представителей европейского структурализма — Эмиль Бенвенист (1963), который с большим интересом, хотя и несколько критично, отнесся к работам оксфордской школы, предложив, в свою очередь, лингвистическую интерпретацию категории перформативности.

В Германии теория речевых актов приобрела большое число сторонников, а одной из наиболее значительных публикаций в этой области стала двухтомная монография Юргена Хабермаса (Habermas 1981). В 1970–1980-е годы немецкая лингвистическая наука обогатилась фундаментальными исследованиями в области теории речевых актов (см.: Wunderlich 1972; Maas/Wunderlich 1972; Henne 1975; Rehbein 1977 и др.).

В СССР теория речевых актов получила развитие, в первую очередь, среди англистов и германистов. В 1980-е годы одной из наиболее заметных фигур в русском языкознании был профессор Калининского (ныне Тверского) университета Иван Сусов — редактор серии сборников и автор теоретических работ по прагмалингвистике (см. Сусов 1980; 1985; 1988; 1989; 2007). К значимым работам этого направления следует отнести следующие публикации: Звегинцев 1976; Богданов 1989; 1990; Почепцов 1986; Кибрик 1983; 1987; Макаров 1990; 2003; Матвеева 1984; Безяева 2002; Дементьев 2010 и др. Заслуживает внимания также серия «Проблемы речевой коммуникации», издаваемая

с 2000 года в Саратове под редакцией Маргариты Кормилицыной и Ольги Сиротининой<sup>1</sup>.

У позаимствованной с Запада прагмалингвистики в советских условиях была своя специфика развития, заключавшаяся в том, что ею, прежде всего, интересовались германисты и романисты, отношение же русистов (а также славистов) было — на первых порах — сдержанным. В русистике коммуникативное направление, главным образом, было представлено исследованиями в области стилистики (особенно языка художественной литературы) и речевого этикета. Русисты в большей степени опирались (и опираются) на теоретическое наследие Михаила Бахтина, в частности, на его теорию речевых жанров, хотя следует признать, что она лишена той степени конкретности и операционализации, которая выгодно отличает работы оксфордской школы.

Вышесказанное отражается и в характере научных публикаций. Проведенный анализ электронной базы ИНИОН (монографии, разделы в монографиях и статьи, опубликованные начиная с 1986 г.), показал, что работы по коммуникативной лингвистике, включая прагмалингвистику, составляют 5,66% от общего числа работ. Это значительно меньше, чем число публикаций в области стилистики (20,40%), прикладной лингвистики (14,89%), описательной грамматики (14,01%) и лексикологии (10,64%), хотя и больше количества работ по антропологии языка и лингвокультурологии (2,36%), социолингвистике (3,90%) или сопоставительному языкознанию (3,25%). Частотность отдельных дисциплин внутри тематического домена <коммуникативная лингвистика> распределена следующим образом<sup>2</sup>:

Дисциплина	Количество публикаций	%
Прагмалингвистика / прагматика	3904	32
Лингвистика дискурса	976	8
Речевые акты	1792	15
Коммуникативная лингвистика	74	1
Коммуникация	5323	44
Всего	12069	100

В какой-то степени отмеченная маргинальность, вторичность прагмалингвистической проблематики в русском языкознании отразилась

<sup>1</sup> Самоидентификация этих авторов как «Саратовской лингвистической школы» (см. Кормилицына/Сиротинина 2015) представляется, однако, явным преувеличением.

<sup>2</sup> Лингвистические дисциплины определялись с опорой на ключевые слова в библиографическом описании каждой публикации.

и в исследованиях зарубежных русистов. В данном случае приоритеты связаны с главными направлениями лингвистических исследований в России — прежде всего, речь идет о фразеологии, лексикологии и функциональной грамматике<sup>3</sup>. В то же время, нельзя утверждать, что зарубежная, в том числе и польская, русистика не имеет достижений в области прагмалингвистических исследований.

Польские публикации в данной области, следуя традиции, заложенной Адамом Хайнцем<sup>4</sup>, можно разделить на две группы: теоретические и эмпирические/дескриптивные.

Философско-теоретические основы прагмалингвистических исследований были разработаны украинским и польским языковедом Олегом Лещаком (1996; 2002; 2008; 2009; 2010). В серии фундаментальных монографий этого автора рассматриваются основы методологии функционального прагматизма — исследования языковой семантики и прагматики в функциональном аспекте. Лещак выделил четыре направления философии языка: 1) метафизическое (реализм и идеализм); 2) феноменологическое; 3) индивидуалистическое и 4) функционально-прагматическое. Последнее направление, в рамках которого проводятся и прагмалингвистические исследования, характеризуется социальным и коммуникативным подходом к речевой деятельности: «Субъект опыта — конкретная действующая личность, отягощенная огромным количеством социальных и предметных связей» (Лещак 2002: 171). Концепция функционального прагматизма опирается на трех ключевых постулатах: онтологическом антропоцентризме, релятивизме и прагматизме. В основе этого комплексного подхода лежит

[...] идея коммуникативно обусловленного целостного прагматического опыта социального человека как функционального соотношения трансцендентальной (обобщающе-гипотетической) и чувственной (предметно-практической) деятельности. [...] Язык, речевая деятельность и речевой поток признаются смежными, взаимозависимыми и взаимодополняющими компонентами целостной коммуникативно-семиотической языковой деятельности человека (там же: 171–172).

<sup>3</sup> Следует отметить, что характер научного изучения определенного языка за рубежом в значительной степени наследует традицию его изучения в стране бытования. Так, зарубежные работы по английскому языку преимущественно сосредоточены на проблемах генеративной и когнитивной лингвистики, тогда как работы по французскому языку в большей степени посвящены проблемам стилистики и лингвистики текста/дискурса. Данное положение отчасти объясняется логистическим фактором: зарубежные лингвисты в первую очередь опираются на исследования, выполненные в стране бытования языка, часто проходят там стажировки, участвуют в совместных научных проектах, поддерживают контакты с исследователями-автохтонами и т.д.

<sup>4</sup> Речь идет о монографии: Heinz 1978.

В фундаментальной монографии 2010 г. Лещак применил методологию функционального прагматизма к описанию разных типов дискурсов. С учетом системного и комплексного подхода, новаторства в решении важнейших проблем лингвистического описания дискурса монографию Лещака следует признать значительным достижением польской русистики.

Рассматривая деятельность как ключевую функцию и форму человеческого опыта, Лещак, в частности, пишет о ее телеологическом характере (2008: 49). В этом отношении с автором можно поспорить, поскольку установка на цель речевого действия и связанный с ней принцип интенциональности не охватывают всей сферы функционирования языка: диспозитивная прагматика обращает внимание на культурно и ситуативно (оказионально) обусловленные типы речевого поведения, в частности, ритуального и ритуализированного характера (см.: Nuys 1999; Kikiewicz 2007: 101 ссл.; Jańczylik 2014).

Теоретические основы описания речевых актов (на материале польского и русского языков) были разработаны Алексеем Авдеевым. В монографии 1987 года представлена целостная модель прагматического исследования языка, а именно — речевых актов. При этом важное внимание уделяется структуре речевого акта, а также внешним условиям его реализации.

В монографии Авдеева 2004 г. в качестве центрального объекта прагмалингвистики рассматривается конверсация. Обратим внимание, что при этом Авдеев имеет в виду только ситуации диалогического общения, а ситуации с большим числом участников (полилогические) квалифицирует как производные от диалогических (2004: 67). Тем самым из рассмотрения прагмалингвистики исключается монологическая речь. С этим, разумеется, никак нельзя согласиться, исходя из совершенно очевидного факта, что в речевой деятельности важное место — помимо диалогических — занимают недиалогические и некоммуникативные акты, в частности, экспрессивные, этологические и аквизитивные (подробнее см.: Kikiewicz 2010: 99 ссл.), а целый ряд устных речевых жанров (не говоря уже о письменной речи) имеет монологический характер: академическая лекция, проповедь, инаугурационное выступление, блок телевизионных новостей и др.

Конверсация, в трактовке Авдеева, представляет собой секвенцию речевых актов, упорядоченных в соответствии с определенной коммуникативной стратегией. Под стратегией понимается целенаправленно производимая говорящим и воспринимаемая слушающим упорядоченная последовательность речевых актов, посредством которой коммуникативные партнеры стремятся к достижению общей коммуни-

кативной цели (2004: 69). В зависимости от коммуникативных целей участников речевой интеракции выделяются четыре типа стратегий: 1) информативно-верификативные; 2) оценочно-эмотивные; 3) моторные (бихевиоральные) и 4) метадикурсные. Каждому типу стратегии соответствует набор языковых и речевых средств, которые квалифицируются как интерактивные операторы. Так, первая коммуникативная стратегия реализуется с помощью языковых форм (в частности, модальных слов) со значением уверенности, исключения, допущения, сомнения, вопроса, подтверждения, согласия, несогласия, отрицания и умолчания. В связи с этим представляется необходимым сделать несколько замечаний. Во-первых, вопросительные реплики, т.е. высказывания в вопросительной форме (и манифестирующие их операторы), несмотря на употребление с целью восполнения дефицита знаний, т.е. в рамках информативно-верификативной стратегии, имеют большое количество иных функций, не связанных с обменом информацией (об этом см.: Kiklewicz 2007: 103). Вопрос сам по себе является речевым действием, которое, независимо от содержания, склоняет адресата к ответному действию. При этом вопросительный оператор вовсе не обязательно предполагает, что данное ответное действие будет речевым, а даже если оно будет речевым — будет содержать соответствующую информацию. Признак «дистрибуции знания», о котором пишет Авдеев, не является в этом случае обязательным. Если бы в книге Авдеева речь шла о вопросительных речевых актах, тогда проблема их содержания была бы снята: вопросительный речевой акт (в силу выполняемой им специфической прагматической функции) состоит в побуждении адресата к передаче информации. Но в монографии Авдеева речь идет об интерактивных, в том числе и вопросительных, операторах, которые — в действительности — многозначны, в чем убеждает нас хотя бы такой пример:

Все разочаровались во мне, и ты, мой лучший друг, туда же?

Вторая часть приведенной реплики содержит вопросительное предложение, которое, однако, не содержит вопроса: говорящий, следует полагать, знает о разочаровании своего друга, поэтому вопросительное предложение, скорее всего, передает удивление, а может быть, и неудовлетворение. Никакой речи о реализации информативно-верификативной стратегии в этом случае не может быть, ср.:

И ты, мой друг, туда же? «Я удивлен, что и ты, мой друг, туда же; я возмущен этим».

В представленную Авдеевым картину стратегий и форм их языковой операционализации не вписываются также факты употребления модальных операторов иного типа, нежели информативно-верификативный. Например, возможно присутствие модальных слов в директивных высказываниях, которые относятся к стратегиям бихевиорального типа. Такой характер имеет, например, высказывание из интернет-форума:

А может, сделаете игру для девчонок?

Форма вопроса, заключающего в себе модальное слово *может*, выражает здесь директивный речевой акт, а именно — предложение или просьбу.

В целом, следует отметить, что жесткое «привязывание» интерактивных операторов к коммуникативным стратегиям не оправдано в силу того, что в рамках одной и той же конверсации могут употребляться интерактивные операторы разного типа и, наоборот, операторы одного типа могут употребляться в структуре разных конверсаций. В качестве примера рассмотрим фрагмент из начала пьесы Александра Володина *Пять вечеров*:

З о я . Нет, это безумие, что я так себя веду. Только прошу, не истолкуй мое поведение как вообще легкую доступность ко мне.

И л ь и н . Ладно.

З о я . Что — ладно?

И л ь и н . Не истолкую.

З о я . Вредный, ты — это другое дело. (Пауза). А правда, как у нас все быстро произошло. Всего неделю назад мы еще друг друга не знали. И — вдруг. Прямо не верится. Правда, я какая-то безумная. Ты меня, наверно, презираешь.

И л ь и н . Что ты, наоборот.

З о я (показывает Ильину журнал мод). Скажи, а такая женщина тебе нравится?

И л ь и н . Ничего.

З о я . Эту манекенщицу больше всех снимают. Вот здесь она хорошая. А здесь плохая.

Здесь мы имеем дело с бытовым разговором — конверсацией, целью которой является поддержание близких отношений, времяпровождение в речевом контакте с партнером. Как же достигается эта цель? В приведенном фрагменте можно выделить реплики, заключающие интерактивные операторы разных типов: модальные (*А правда, как у нас все быстро произошло*), эмоционально-оценочные (*Ничего; Вот здесь она хорошая. А здесь плохая*), директивные (*Только прошу, не истолкуй мое поведение...; Скажи, а такая женщина тебе нравится?*).

Более того, представляется маловероятным, чтобы одна и та же конверсация, например, информативно-верификативная, была реализована исключительно в одной — вопросно-ответной — форме. Что касается стратегий оценочно-эмотивного типа, то в этом случае трудно представить себе развернутый дискурс, который состоял бы только из реплик экспрессивного характера. Обычно экспрессивы «вклиниваются» в реплики описательного или облигативного типа. Ничего удивительного, что и приводимые Авдеевым примеры конверсаций такого рода чрезвычайно малоформатны, ср.:

A: Chyba dobrze to zrobiłem?!

B: Bardzo dobrze!

A: No właśnie!

Кажется, ничто не мешает нам интерпретировать первую реплику как вопросительную, реализующую желание говорящего узнать мнение собеседника по поводу его действий — тогда ни о какой экспрессии не будет речи. Это же касается и второй реплики: с одной стороны, ее можно интерпретировать как оценочную, хотя, с другой стороны, она представляет собой повествовательное высказывание, выражающее мнение: партнер А хотел получить информацию о суждении партнера В, и он получил ее. Третья реплика содержит сообщение о том, что партнер А разделяет мнение партнера В. В результате оценочно-эмотивный характер приведенного диалога представляется недостаточно очевидным.

Как видим, в свете высказанных замечаний (другие комментарии см.: Kiklewicz 2007: 87 сл.) модель коммуникативных стратегий Авдеева нуждается в уточнении, а определенные положения — в переформулировке.

Что касается эмпирических исследований в области языковой прагматики, то представление их актуального состояния встречается с существенным препятствием, а именно — размытым характером и самого понятия прагматики, и объема прагматических явлений, что отмечалось в литературе (см.: Kiklewicz 2011: 7). К сфере прагматики относят и речевые акты, и экспрессивность, и речевой этикет, и коммуникативно обусловленную коннотативную семантику (контекстные значения), и стилистические характеристики знаков, и даже такие явления, как анафора, катафора, вторичная номинация (в тексте) и др. Можно, однако, считать, что, хотя прагматика в широком смысле имеет право на существование, прагматические свойства языковых единиц, прежде всего, проявляются в речевой деятельности, поэтому к области

прагмалингвистики следует относить исследования, в которых единицы языка рассматриваются с учетом человеческой деятельности, в частности, с учетом речевых субъектов, сцены и обстановки речевого действия, целей и истории речевого акта и др. Поэтому к области прагмалингвистики нецелесообразно относить, например, многочисленные исследования языка писателя — в этом случае исследователь обычно концентрирует внимание на формальной стороне художественного текста, т.е. используемом реестре так называемых художественных средств, однако реальная коммуникативная функция текста и соответствующая роль этих средств обычно остаются «за кадром».

Эмпирические исследования в области прагмалингвистики можно разделить на несколько направлений:

1) иллокутивная (интенциональная) прагматика, т.е. описание речевых актов;

2) конверсационный анализ;

3) лингвистический анализ дискурсов (функциональная прагматика);

4) коммуникативно-прагматическая атрибуция языковых единиц и категорий;

5) диспозитивная прагматика (в том числе, функциональная стилистика)<sup>5</sup>;

6) отраслевая прагматика (медиалингвистика, юрислингвистика, интернет-лингвистика, теолингвистика, евролингвистика, эколингвистика и др.).

Как представляется, к сфере прагмалингвистических исследований не следует, однако, относить работы по лингвистике текста, в частности, посвященные так называемым дискурсивным словам, или метатекстовым операторам (см. Баранов, Плунгян, Рахилина 1993). Как следует из работы Зофьи Чапиги (2005: 71 ссл.), русская частица *впрочем* (трактуемая как метатекстовый оператор) выполняет ряд важных функций, связанных с организацией текста, однако прямой апелляции к коммуникативному контексту, ситуативным ролям коммуникативных партнеров и другим аспектам речевого взаимодействия с помощью текста такое описание не предусматривает<sup>6</sup>. В связи с этим работы данного направления не будут учтены в нашем обзоре.

<sup>5</sup> Это направление особенно важно в области межкультурной коммуникации.

<sup>6</sup> Кроме того, следует иметь в виду, что понятием «метатекстовых операторов» широко и, к тому же, необоснованно пользуются представители структурной семантики, например, лингвисты группы М. Гроховского из университета в Торуня. В действительности сферой действия этих операторов является содержание высказывания или секвенции высказываний, что имеет мало общего с текстом как единицей высшего уровня сложности. Стана Ристич и Милана Радич-Дугонич (1999: 94 сл.) относят частицы к неререферентным частям речи, значение которых реализуется в тексте, в ком-



Не будут приниматься во внимание также работы по функциональной стилистике, предметом которых является употребление языковых единиц в разных стилях речи, в том числе, с учетом специфических сфер речевого взаимодействия, таких как политика, массовая информация, техника, медицина, религия, воспитание и педагогика и др. (см. некоторые публикации: Białek 2005; Jaskólski 2003; Космеда 2014; Leszczak 2007: 61 ссл.; Marszałek 2014; Rudnik-Karwatowa 2008; Zając, Darda-Gramatyka 2005; Zmarzer 1994 и др.). Разумеется, в этих исследованиях можно усматривать элементы диспозиционной прагматики, однако, в основном, проблема описания стилистически маркированных единиц сводится к формальной инвентаризации соответствующих элементов<sup>7</sup>. В этом случае социологический подход, а точнее, заострение внимания на социальных вариантах языка, как правило, превалирует над коммуникативно-прагматическим подходом.

Кратко рассмотрим наиболее важные исследования польских русистов в некоторых из указанных выше направлений.

Исследования в области речевых актов являются фирменным знаком возглавляемой Евой Коморовской группы лингвистов из Щецинского университета. Одна из значительных публикаций этой группы стала плодом сотрудничества с немецкими и российскими лингвистами (Лысакова/Веселовская 2008; Kantorczyk 2008; Komorowska 2008). По своему жанру данная серия представляет собой университетский учебник, в котором теоретический материал сопровождается комментариями и упражнениями. Объектом описания является группа директивных речевых актов: просьбы, предложения, советы/рекомендации, инструкции, требования, распоряжения, приказ и запрет. В теоретической части работы определяется категориальный признак директивных речевых актов — функция наклонения адресата к выполнению/невыполнению определенного действия. Кроме того, представлены коммуникативные условия реализации таких актов: 1) адресат, по мнению говорящего, способен осуществить требуемое действие; 2) говорящий хочет, чтобы

---

коммуникативном акте. Они обслуживают коммуникативную сферу языка, поэтому для их реализации важны разные коммуникативные факторы: участники коммуникативной ситуации, ситуация речи, предмет речи и др. Ристич и Радич-Дугонич (1999: 96) указывают, что функция частиц — модификационная: их действие распространяется или на высказывание в целом, или на какие-то его части — но не на текст в целом. Эта функция базируется на категориальном значении релятивности (сербск. «односа»), которое характерно также для предлогов и союзов, отличающихся от частиц, главным образом, в поверхностно-синтаксическом плане.

<sup>7</sup> Функциональная стилистика с сильным прагматическим элементом находится в зачаточном состоянии. Некоторые ее постулаты см. в монографии: Awdziejew/Habrajska 2006: 190 ссл.

действие было осуществлено; 3) в некоторых случаях за невыполнение действия на адресата могут быть наложены соответствующие санкции (Komorowska 2008: 26 сл.)<sup>8</sup>.

Директивные акты делятся на обязывающие (требование, распоряжение, приказ, запрет) и необязывающие (просьба, предложение, совет, инструкция). При классификации директивных актов учитывается степень заинтересованности адресата в выполнении действия, извлечении пользы (отправителем, получателем, обоими участниками), социальные и интерактивные роли и др. Поэтому просьба определяется как «речевой акт, который имеет целью побудить адресата к выполнению какого-либо действия» (Лысакова/Веселовская 2008: 30), а предложение — как «речевой акт, в котором говорящий побуждает адресата совместно выполнить действие, совместно принять решение о выполнении действия или выражает свою готовность выполнить действие в интересах адресата» (там же: 31)<sup>9</sup>.

В структуре побудительного речевого акта выделяются три элемента: 1) контактоустанавливающий элемент; 2) собственно побудительный элемент и 3) развивающий элемент (например, обоснование, нетерпение и др.). Описываются языковые средства выражения этих структурных элементов в немецком, польском и русском языках.

Следующим компонентом описания речевых актов является сопоставление их языкового оформления в трех языках. При этом учитывается категория вида глагола и специальные модификаторы, например, частицы, маркеры отрицания и др.

---

<sup>8</sup> Следует отметить, что к области директивных речевых актов относятся не только кооперативные акты (т.е. просьба, предложение, рекомендация и др., рассматриваемые в монографии Коморовской), но и эзотерические (или магические) речевые акты, реализуемые посредством обращения к так называемым потусторонним силам (см.: Kikiewicz 2010: 123 ссл.). К числу таких речевых действий относится, например, проклятие. Языковая форма реплики *Будь ты проклят!* (имеется в виду употребление глагола в форме пассивного залога) означает апелляцию к третьему лицу — высшей силе, которая косвенно привлекается к воздействию на адресата.

<sup>9</sup> Здесь надо отметить, что в русском языке существует и другое употребление перформативного глагола *предлагаю*, соответствующего польской конструкции, выражаемой существительным *oferta* в значении ‘propozycja przeprowadzenia jakiejś transakcji, wykonania jakiejś usługi, zwykle przedstawiona w sposób formalny i wiążący’. В ситуации, когда в тексте объявления написано: *Предлагаю купить 3-х комнатную квартиру (можно через ипотеку) на проспекте Ленина 31. б/9 этажного кирпичного дома*, мы понимаем, что речь не идет ни о каком совместном выполнении действия, хотя, видимо, предполагается, что польза из осуществления этого речевого действия будет извлечена обеими сторонами. В случае рассмотренного высказывания можно предполагать наличие пресуппозиций: <Я хочу продать...> и <Ты хочешь купить...>.

В отдельных секциях монографии авторы представляют описание каждого из рассматриваемых типов речевых актов. Особенно ценным здесь является богатый набор разнообразных упражнений, часть из которых содержится на компакт-дисках, которые служат получению учащимися навыков употребления речевых актов в устной живой речи, т.е. с учетом интонационного рисунка конструкции.

Кроме того, в работах этого направления разрабатывается (не отраженная в щецинской серии) идея иерархической организации речевых действий (см.: Weigand 1989; Kiklewicz 2010: 86), а точнее, идея существования их ситуативно обусловленных вариантов. Ср. несколько вариантов просьбы:

В конце концов, я п р о ш у о помощи (Олег Павлов).

Друзья мои, я в а с п р о ш у о мужестве (Юрий Трифонов).

Я п р о ш у о зачислении меня казенным студентом (Лев Гумилевский).

П р о ш у позвонить мне (Любовь Дивнова).

Теперь стукачей п р о ш у выйти из зала (Николай Климонтович).

В каждой из приведенных ситуаций просьбы варьируются основные параметры этого побуждающего акта: в последнем предложении между говорящим и адресатом наблюдается социальное противоречие, чего нельзя сказать о первом или четвертом предложении. В первом предложении у говорящего слабая социальная и функциональная позиция, чем в четвертом предложении, а в отличие от третьего предложения, которое описывает официальную просьбу (другими словами — заявление), в первом предложении говорящий рассчитывает на личное расположение адресата, вне служебных отношений.

К исследованиям щецинской группы примыкает и монография Жанетты Козицкой-Борисовской (2008), посвященная речевому акту извинения в русском и польском языках. Исследовательница рассматривает историю вопроса, в частности, место извинения в классификации речевых действий. Вслед за Джоном Сёрлом она понимает извинение как экспрессивный речевой акт, служащий выражению чувств говорящего по отношению к адресату. Козицкая-Борисовская определяет извинение как речевое действие, употребляемое в ситуации, когда говорящий в результате действий, не соответствующих общепринятым нормам, совершил проступок по отношению к адресату, что вызвало нарушение или разрыв отношений (2008: 54).

Анализируются в указанной монографии характеристики коммуникативных партнеров, включая их социальные роли, близость/чуждость, эмоциональные установки и др. Важным аспектом описания акта извинения являются варианты его реализации: выделяются собственно

извинения (несколько разрядов), а также извинения, реализующие дополнительные, а иногда и вовсе отличные функции. Например, к метакоммуникативным извинениям относятся речевые действия, функция которых состоит в организации и регулировании коммуникативного взаимодействия (2008: 84 ссл.).

Отдельные разделы монографии Козицкой-Борисовской посвящены языковым средствам реализации данного речевого действия (в русском и польском языках) (с. 115–156), структуре речевого акта (с. 157–191), тактикам речевого поведения в ситуациях извинения (с. 192–219), а также невербальным способам выражения извинения (с. 220–251).

К исследованиям в области речевых актов следует отнести также следующие работы: Sarnowŷki 1999; Charciarek 1997; Gawarkiewicz 2001; Kondziola-Pich 2014; Małysa 2014 и др. Публикации Артура Чапиги (2012) и Дануты Пытэль-Пандэй (Pytel-Pandey 2009; 2011; 2013), помимо прочего, ценны их сопоставительным характером — изучением директивных речевых актов в русском и европейских языках. Работа Анны Щепаняк-Козак (Szczepaniak-Kozak 2013) обращает на себя внимание тем, что рассматривает прагматическую проблематику в межкультурном и лингводидактическом аспектах. Определенное место в исследованиях польских русистов занимает также лингвистический анализ дискурса. В связи с этим следует упомянуть следующие монографии: Leszczak 2010; Сладкевич 2013; Kikiewicz/Uchwanowa-Szmygowa 2015.

Хотя в монографии Жанны Сладкевич понятие дискурса представлено довольно размыто (вместо четкой дефиниции предлагается обзор разнообразных и зачастую диспаратных точек зрения, см. 2013: 15 ссл.), анализ фельетона как определенного типа публицистического дискурса (сочетающего элементы других дискурсов) представляется заслуживающим внимания, в том числе, и с прагмалингвистической точки зрения. Фельетон рассматривается в данной работе как форма коммуникативного поведения, в котором важную роль играет не только текст (он является объектом узкостилистических исследований), но и элементы коммуникативной ситуации, в первую очередь, — личность говорящего. Так, Сладкевич подробно описывает разного рода приемы авторской самопрезентации, например, интеграцию, солидаризацию, оппозиционирование, «перевоплощение», «самобичевание», автономирование и др. В соответствии с этим, определяются и детально описываются типы межличностных контактов между отправителем сообщения и его потенциальными читателями: агрессивная и ироническая тональность, а также языковые средства их манифестации.

Отдельная глава монографии посвящена контактоустанавливающей (фатической) коммуникативной стратегии фельетониста.

Следует обратить внимание и на другие работы, в которых исследуются коммуникативные и зачастую идеологические установки и стратегии речевых субъектов. Особенно характерны они для политических и медийных дискурсов (Zemsał 2007; Jaskólski 2013). Так, Адам Яскульский исследовал способы нейтрализации и преуменьшения негативной оценки денотата в речи представителей власти России. Данная стратегия, относящаяся, как нам представляется, к общей языковой категории феминизации, реализуется с помощью таких средств, как генерализация и введение оператора неопределенности. «Для снижения негативной оценки денотата, — пишет автор, — употребляются языковые выражения, наиболее слабо констатирующие данное содержание» (Jaskólski 2013: 152).

Коммуникативно-прагматическая атрибуция языковых единиц и категорий состоит в том, что описание лексической и грамматической номинации обогащается за счет информации об условиях их речевого функционирования (это направление примыкает к исследованиям в области диспозициональной прагматики). Теоретические основы таких исследований разработаны в XX веке — их обсуждению посвящена работа: Kiklewicz 2012: 340 ссл. В этой работе, а также в других публикациях данного автора (Киклевич 2013: 216 ссл.; 2014: 230 ссл.) рассматриваются некоторые принципы речевой номинации. Автор исходит из предпосылки, что субъект речевой деятельности принимает во внимание, как минимум, три фактора: 1) объективные свойства денотата; 2) имеющиеся в его распоряжении средства языковой номинации; 3) собственные субъективные установки с учетом цели и характера деятельности, а также коммуникативной ситуации, ее обстановки и сцены. «Таким образом, объективная действительность, язык и человеческая (интеллектуальная и практическая) деятельность составляют в речевой коммуникации диалектическое единство» (Kiklewicz 2012: 355).

Основываясь на сходных теоретических предпосылках, Геннадий Зельдович в монографии с громким названием *Прагматика грамматики* исследует действие прагматического фактора в области грамматической номинации (2012). Автор рассматривает с функционально-коммуникативной точки зрения грамматические категории вида, залога, а также предикативное имя. Употребление тех или грамматических значений в данной монографии объясняется с точки зрения установок говорящего, его ментальных состояний. Прагматическая информация, таким образом, учитывается как необходимая составляющая языковой компетенции. Например, утверждая, что формам совершенного вида

глаголов присуща специфическая «единичность», Зельдович ссылается на ментальное состояние говорящего:

Интуитивно несомненно, что единичность [...] важна для говорящего, в высокой степени интерпретативна по отношению к действительности; например, фраза *Я пообедал* не исключает, что говорящий обедал и раньше: предыдущие обеды его просто не интересуют. Поэтому в более корректной формулировке СВ значит, что 'говорящий мыслит множество ситуаций *M*, в котором ситуация *P* единична'. Подчеркнем [...], что прагматически важна не только сама эта информация, но и то, что говорящий ее сообщает: из последнего вытекает, что множество *M* чем-то важно для говорящего (2012: 44).

Необходимо обратить внимание, что прагматический компонент описания у Зельдовича все-таки достаточно условен: установка говорящего не привязана каким-либо образом к коммуникативному контексту, поэтому «то, что считает» говорящий, видимо, можно отнести и к сфере семантической информации, заложенной в языковом инварианте совершенного вида<sup>10</sup>. Другое дело, если формы совершенного вида употребляются специфически, например, в директивных высказываниях:

Сначала вы мне скажете о причинах, побудивших короля французского взять крест, — сказал он, поднимая брови и указывая пальцем на чернильницу, — потом объясните мне общие характеристические черты этого похода (Лев Толстой).

За употреблением указанных форм скрывается намерение говорящего (в данной ситуации) получить информацию — в связи с этим индикативные формы совершенного вида *скажете* и *объясните* употребляются в качестве интерактивных операторов: *скажете* 'прошу сказать', *объясните* 'прошу объяснить'.

К сфере диспозитивной прагматики можно отнести работы Марцелины Грабской (2014а; 2014б), в которых рассматривается роль конситуации и фоновых знаний субъектов в процессе интерпретации речевых сообщений. Грабская, основываясь на исследовательском опыте польского и русского языкознания, различает антиципацию как прогнозирование определенной информации (обусловленной ситуацией речи) и инференцию как актуализацию этой информации в речевом акте.

<sup>10</sup> Подобный теоретический принцип реализуется в следующих работах: Czerwiński 2014; Коряковцева 2008; Pstyga 2008 и др., в которых описываются словообразовательные средства (обычно пейоративной) оценки денотата. Непосредственной апелляции к реальным коммуникативным контекстам эти исследования не содержат (что, разумеется, не умаляет их значения в науке).

\* \* \*

В заключение следует отметить, что польские исследования в области прагмалингвистики в незначительной степени ориентированы на образцы и модели, разработанные в русском языкознании — в основном, они опираются на традицию западной, в частности, немецкой прагмалингвистики, а также на собственные идеи и концепции, философская основа которых была разработана Тадеушем Котарбинским, автором оригинальной теории праксеологии.

Польские исследования в области прагмалингвистики на сегодняшний день все еще не нашли отражения в работах обобщающего, интегрального характера. Нет, например, полного (или хотя бы относительно полного) лексикона речевых актов, а прагматическая информация в лексикологических и грамматических исследованиях носит фрагментарный и отчасти произвольный характер. В то же время необходимо признать, что в работах польских русистов содержится значительный теоретический вклад в коммуникативное направление, предлагаются новые решения ряда проблем, а также ставятся новые проблемы. Эмпирические работы отчасти носят эпигонский характер, хотя и в этой области имеются определенные достижения; они касаются диспозитивной (антропологической) прагматики, параметризации речевых актов, лингвистического анализа разного типа дискурсов, а также сопоставительного исследования речевого поведения в польской и русской языковой среде.

## ЛИТЕРАТУРА

- А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина: *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. Москва: Помовский и партнеры 1993.
- М.Г. Безяева: *Семантика коммуникативного уровня звучащего языка*. Москва: Издательство МГУ 2002.
- В.В. Богданов: *Перформативное предложение и его парадигмы*. в кн.: *Прагматические и семантические аспекты синтаксиса*. Ред. И.П. Сусов. Калинин: Издательство Калининского университета 1985, с. 18–28.
- В.В. Богданов: *Классификация речевых актов*. В кн.: *Личностные аспекты языкового общения*. Ред. И.П. Сусов. Калинин: Издательство Калининского университета 1989, с. 25–37.
- В.В. Богданов: *Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство*. В кн.: *Язык, дискурс и личность*. Ред. И.П. Сусов. Тверь: Издательство Тверского университета 1990, с. 26–31.
- В.В. Богданов: *Речевое общение. Прагматические и синтаксические аспекты*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета 1990.
- Г.М. Зельдович: *Прагматика грамматики*. Москва: Языки славянской культуры 2012.

- Г.Г. Матвеева: *Актуализация прагматического аспекта научного текста*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета 1984.
- В.В. Дементьев: *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис 2006.
- В.В. Дементьев: *Теория речевых жанров*. Москва: Знак 2010.
- А.Е. Кибрик: к построению лингвистической модели коммуникативного взаимодействия. «Ученые записки Тартуского ун-та» 1983, № 654, с. 8–24.
- А.Е. Кибрик, А. С. Нариньяни (ред.): *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. Москва: Наука 1987.
- М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина: *Исследование реального функционирования русского языка в трудах ученых Саратовской лингвистической школы* <<http://uapryal.com.ua/scientific-section/kormilitsyina-m-a-sirotinina-o-b-saratov-issledovanie-realnogo-funktsionirovaniya-russkogo-yazyika-v-trudah-uchenyih-saratovskoy-lingvisticheskoy-shkolyi/>> (19.02.2015).
- Т. Космеда: *Живая речь современной Украины: механизмы моделирования оценочных смыслов*. В кн.: «*Mówimy jak mówimy...*» *Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne*. Ред. М. Grabska, Ż. Ślădkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2014, с. 176–186.
- Е.И. Коряковцева: *Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как как сигналы речевой агрессии*. в кн.: *Współczesna komunikacja językowa. Najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich*. Ред. Z. Rudnik-Karwatowa. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN 2008, s. 95–106 [seria «Prace Slawistyczne», t. 125].
- О. Лещак: *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*. Тернополь: Підручники и посібники 1996.
- О. Лещак: *Очерки по функциональному прагматизму. Методология, онтология, эпистемология*. Тернополь: Підручники и посібники–Kielce: Studia Methodologica 2002.
- О. Лещак: *Основы функционально-прагматической теории языкового опыта. Аналитика, критика, типология*. Тернополь: ТЭИПО 2008.
- И.П. Лысакова, Т. М. Веселовская: *Прагматика побудительных речевых актов в русском языке*. Щецин–Росток: PRINT GROUP 2008 [серия: Прагматика побудительных речевых актов в немецком, польском и русском языках, под ред. У. Канторчик, Э. Коморовской, И.П. Лысаковой и др.].
- М.Л. Макаров: *Коммуникативная структура текста*. Тверь: Издательство Тверского университета 1990.
- М.Л. Макаров: *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис 2003.
- Е.А. Потехина: *Концепт «грех» в православном дискурсе исповеди*. В кн.: *Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*. Ред. А. Kikiewicz, А. Kamalova. Olsztyn: CBEW 2010, с. 43–70.
- Е.А. Потехина: *Семантика и прагматика религиозного текста («Чин исповеданию» из собрания бывшего старообрядческого монастыря в Войново)*. В кн.: *Язык и метод*. Ред. D. Szumska. Kraków: Wydawnictwo UJ 2012, с. 317–328.
- О.Г. Почепцов: *Основы прагматического описания предложения*. Киев: Вища школа 1986.
- С. Ристић, М. Радић-Дугоњић: *Реч. Смисао. Сазнање (студија из лексичке семантике)*. Београд: Филолошки факултет 1999.
- Ж. Сладкевич: *Политический фельетон в свете теории речевого взаимодействия*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2013.
- И.П. Сусов: *Семантика и прагматика предложения*. Калинин: Издательство Калининского университета 1980.



- И.П. Сусов: *Языковое общение и лингвистика*. В кн.: *Прагматические и семантические аспекты синтаксиса*. Ред. И.П. Сусов. Калинин: Издательство Калининского университета 1985, с. 3–12.
- И.П. Сусов: *Деятельность, сознание, дискурс и языковая система*. В кн.: *Языковое общение: процессы и единицы*. Ред. И.П. Сусов. Калинин: Издательство Калининского университета 1988, с. 7–13.
- И.П. Сусов: *Личность как субъект языкового общения*. В кн.: *Личностные аспекты языкового общения*. Ред. И.П. Сусов. Калинин: Издательство Калининского университета 1989, с. 9–16.
- И.П. Сусов: *История языкознания*. Москва: АСТ: Восток- Запад 2007.
- J.L. Austin: *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press 1962.
- A. Awdziejew: *Pragmatyczne podstawy interpretacji wypowiedzi*. Kraków: Wydawnictwo UJ 1987.
- A. Awdziejew: *Gramatyka interakcji werbalnej*. Kraków: Wydawnictwo UJ 2004.
- A. Awdziejew, G. Habrajska: *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej, 2*. Łask: Leksem 2006.
- E. Benveniste: *La philosophie analytique et le langage*. «Les études philosophiques» 1963, nr 1, с. 3–11.
- E. Białek: *Несколько слов о языке СМИ*. «Przegląd Rusycystyczny» 2005, nr 3 (111), s. 58–70.
- A. Charciarek: *Принцип вежливости и «конкурирующие» речевые акты*. «Przegląd Rusycystyczny» 1997, nr 3/4, с. 251–258.
- Z. Czapiga: *Leksem впрочем і jego polskie ekwiwalenty jako operatory metatekstowe*. «Przegląd Rusycystyczny» 2005, nr 4 (112), с. 70–81.
- A. Czapiga: *Высказывания с лексическими единицами согласие, згода, agreement: прагматический подход*. В кн.: *Коммуникативные параметры текста*. Ред. А. Czapiga, Z. Czapiga. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego 2012, с. 107–130.
- P. Czerwiński: *Суффиксальные образования как способ маркированной социально-оценочной характеристики*. В кн.: *«Mówimy jak mówimy...» Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne*. Ред. М. Grabska, Ż. Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2014, s. 149–167.
- R. Gawarkiewicz: *Акты мowy а компетенция языково-коммуникация учеников polskich в языке росыjskim і немецким*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego 2001.
- M. Grabska: *Antycypacja і referencja w potocznym odbiorze tekstu. Rozważania teoretyczne*. В кн.: *«Mówimy jak mówimy...» Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne*. Ред. М. Grabska, Ż. Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2014a, с. 48–56.
- M. Grabska: *Antycypacja і referencja w potocznym odbiorze tekstu. Badania empiryczne*. В кн.: *«Mówimy jak mówimy...» Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne*. Ред. М. Grabska, Ż. Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2014b, с. 57–68.
- J. Habermas: *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1–2. Frankfurt am Main: Suhrkamp 1981.
- A. Heinz: *Dzieje językoznawstwa w zarysie*. Warszawa: PWN 1978.
- H. Henne: *Sprachpragmatik*. Tübingen: Niemeyer 1975.
- M. Janczylik: *Міędzy sacrum а profanum, czyli rytuały і obrzędy w świetle wypowiedzi mieszkańców pogranicza północно-wschodniej Polski*. «Slavia Orientalis» LXIII/4, s. 629–641.

- A. Jaskólski: *Способы нейтрализации и преуменьшения негативной оценки денотата в языке власти в России*. «Przegląd Rusycystyczny» 2013, 3 (143), с. 145–153.
- U. Kantorczyk: *Pragmatik von Aufforderungshandlungen im Deutschen*. Szczecin / Rostock: PRINT GROUP 2008 [серия: Прагматика побудительных речевых актов в немецком, польском и русском языках. Ред. У. Канторчик, Э. Коморовской, И.П. Лысаковой и др.].
- A. Kiklewicz: *Finitywny (teleologiczny) model aspektualności: założenia teoretyczne*. «Prace Filologiczne» 2005, L, с. 59–82.
- A. Kiklewicz: *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask: Leksem 2007.
- A. Kiklewicz: *Tęcza nad potokiem. Kategorie lingwistyki komunikacyjnej, socjolingwistyki i hermeneutyki lingwistycznej w ujęciu systemowym*. Łask: Leksem 2010.
- A. Kiklewicz: *Od redaktora*. В кн.: *Język poza granicami języka. 2. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo. Część 1. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne*. Ред. А. Киклевич. Olsztyn: Instytut Filozofii UWM 2011, с. 7–9.
- A. Kiklewicz: *О социально-культурном факторе функциональной семантики: проблемы речевой номинации*. «Slavia Orientalis» 2012 LXI/3, с. 339–361.
- A. Kiklewicz, I. Uchwanowa-Szmygowa (red.): *Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*. Olsztyn: CBEW 2015.
- E. Komorowska: *Polskie badania pragmalingwistyczne*. «Przegląd Rusycystyczny» 2003, nr 1, с. 79–88.
- E. Komorowska: *Pragmatyka dyrektywnych aktów mowy w języku polskim*. Szczecin–Rostock: PRINT GROUP 2008 [серия: Прагматика побудительных речевых актов в немецком, польском и русском языках, под ред. У. Канторчик, Э. Коморовской, И.П. Лысаковой и др.].
- K. Kondziola-Pich: *Утешение как речевой акт в современных польском и русском языках: прагмалингвистическое исследование*. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego 2014.
- Ż. Kozicka-Borysowska: *Akt mowy przeproszenia. Studium pragmalingwistyczne*. Szczecin: PRINT GROUP 2008.
- O. Leszczak: *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. 1. Funkcjonalno-pragmatyczna metodologia badań lingwistycznych*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego 2008.
- O. Leszczak: *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. 2. Doświadczenie potoczne a językowy obraz świata*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego 2009.
- O. Leszczak: *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*. Toruń: Adam Marszałek 2010.
- S. Leszczak: *Языковое клише: прагматика, семантика и структура аналитических номинативных неидиоматических знаков в современном русском языке*. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej 2007.
- U. Maas, D. Wunderlich: *Pragmatik und sprachliche Handeln. Pragmatik und sprachliches Handeln mit einer Kritik an Funkkolleg «Sprache»*. Frankfurt am Main: Athenaeon 1972.
- O. Małyś: *Комиссивные речевые жанры. Сопоставительный польско-русский аспект*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 2014.
- M. Marszałek, *Dżinsa, wiertuszka, musor: русское разговорное слово в польскоязычном публицистическом дискурсе*. В кн.: «*Mówimy jak mówimy...*» *Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne*. Ред. М. Grabska, Ż. Śladkiewicz. Gdańsk 2014, с. 89–99.

- J. Nuyts: *Intentionalität und Sprachfunktionen*. В кн.: *Intention — Bedeutung — Kommunikation. Kognitive und handlungstheoretische Grundlagen der Sprachtheorie*. Hrsg. G. Preyer, M. Ulkan, A. Ulfig. Opladen: Westdt. Verl. 1997, с. 51–71.
- H. Pocięchina, N. Wiśniewska: *Содержания таинства покаяния в свете современного права (по материалам старообрядческой рукописи)*. «Acta Neophilologica» 2013, nr XV (1) с. 325–333.
- A. Pstyga: *Nowe derywaty wartościujące w wypowiedziach publicznych (na materiale języka polskiego i rosyjskiego)*. В кн.: *Współczesna komunikacja językowa. Najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich*. Ред. Z. Rudnik-Karwatowa. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN 2008, с. 213–226 [seria «Prace Slawistyczne», t. 125].
- D. Pytel-Pandey: *Dyrektywy języka rosyjskiego i niemieckiego: prośba, żądanie, nakaz*. «Slavica Wratislaviensia» 2009, CL, с. 227–232.
- D. Pytel-Pandey: *Dyrektywne akty mowy — klasyfikacja ze względu na siłę zobowiązanie do ich realizacji*. «Slavica Wratislaviensia» 2011, CLIV, с. 149–158.
- D. Pytel-Pandey: *Dyrektywne akty mowy w Nowym Testamencie*. «Studia Wschodniosłowiańskie» 2013, nr 13, s. 95–104.
- J. Rehbein: *Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache*. Stuttgart: Metzler 1977.
- Z. Rudnik-Karwatowa: *Zmiana konwencji czy indywidualna manifestacja twórcza? Pragmatyczny aspekt wykorzystania słownictwa i słowotwórstwa w tytułach prac naukowych*. В кн.: *Współczesna komunikacja językowa. Najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich*. Ред. Z. Rudnik-Karwatowa. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN 2008, с. 253–262 [seria «Prace Slawistyczne», t. 125].
- M. Sarnowski: *Przestrzeń komunikacji negatywnej w języku polskim i rosyjskim. Kłótnia jako specyficzna sytuacja komunikacji werbalnej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 1999.
- E. Weigand: *Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik*. Tübingen: Niemeyer 1989.
- D. Wunderlich (Hrsg.): *Linguistische Pragmatik*. Frankfurt am Main: Athenäum 1972.
- E. Zajac, J. Darda-Gramatyka: *Снецифика общения в чате*. «Przegląd Rusycystyczny» 2005, nr 3 (111), с. 79–84.
- P. Zemszał: *Два этапа языковой агрессии в советском политическом дискурсе сталинского времени (на примере пропагандистской кампании против Тито)*. «Slavia Orientalis» 2007, nr LVI/2, с. 265–271.
- W. Zmarzer: *О явлении «семантического плюрализма» в современном русском языке*. «Przegląd Rusycystyczny» 1994, nr 3–4, с. 219–224.

Aleksander Kiklewicz

## WSPÓŁCZESNE POLSKIE BADANIA W ZAKRESIE PRAGMATYKI JĘZYKA ROSYJSKIEGO

### Streszczenie

Autor dokonuje przeglądu badań w zakresie pragmalingwistyki w polskiej rusycystyce ostatnich dziesięcioleci. Badania w tym zakresie podzielono na dwa nurty: teoretyczny i opisowy (materiałowy). W aspekcie teoretycznym omówiono koncepcje Olega Leszczaka oraz Aleksieja Awdiejewa. W aspekcie opisowym omówiono badania w zakresie aktów mowy, lingwistycznej analizy dyskursu, pragmatycznej atrybucji znaczeń leksykalnych

---

i gramatycznych, pragmatyki branżowej, pragmatyki dyspozycyjnej oraz pragmatyki konfrontatywnej.

*Aleksander Kiklewicz*

MODERN POLISH RESEARCHES ON THE RUSSIAN LANGUAGE PRAGMATICS

Summary

The author reviews researches on Russian language pragmalinguistics in Poland in the recent decades. This research was divided into two streams: theoretical and descriptive (material). In terms of theoretical some concepts, especially proposed by Oleg Leszczak and Aleksy Awdiejew are discussed. In terms of the descriptive study the followed research areas are discussed: speech acts, linguistic discourse analysis, pragmatic attribution of the lexical and grammatical meanings, sectoral pragmatics, dispositional pragmatics, as well as contrastive pragmatics.